

сен»? ⁴ Он обнаруживает прежде всего «черты народного стиля... в отдельных образах и выражениях: детальное перечисление дани конями, высокий терем Евпраксии, белые руки, любезное чадо». ⁵ Если даже согласиться с В. Миллером, что примеры, приводимые им, относятся к «чертам народного стиля», то следует отметить, что черты эти отнюдь не определяют стилистического характера всего эпизода. Они явно теряются среди таких эпитетов, как «безбожный царь», «нечестивый царь», «благочестивый князь», «блаженное тело», «благочестивая княгиня», «смертоносные глаголы» и т. д. Отметим, что «белые руки» отсутствуют в большинстве редакций. Нет в большинстве редакций также и перечисления дани конями.

Со стороны собственно стилистической рассматриваемый эпизод не содержит явных народно-песенных признаков.

Очевидно, что внимание должно быть обращено на его сюжетную сторону. Вопрос может быть поставлен двояким образом: является ли данный сюжет фольклорным по самой своей природе, т. е. представляет ли эпизод книжную переделку народной песни? или в нем, литературном по природе, имеются несомненные фольклорные реминисценции?

В другой своей работе В. Ф. Миллер касается как раз этих вопросов. Ученый не сомневается в том, что случай, о котором рассказано в «Повести», имел место в истории. О Федоре и Евпраксии слагались песни, но они не сохранились в народной памяти. ⁶ Вслед за этим В. Ф. Миллер вступает на путь догадок, типичных для представителя «исторической школы». В основе этих догадок лежит представление о том, что исторические песни с течением времени разрушались, подвергались эпической переработке; исторические имена забывались, заменялись другими, становились эпическими, а самое событие окрашивалось сказочными чертами и, «отрешившись от прежних имен, могло быть прикреплено к другим фабулам». ⁷ Так, по мнению В. Ф. Миллера, имя Евпраксии, впервые появившись в песне, связанной с разорением Рязани, затем вошло в былины, где оно прикрепилось к киевской княгине, жене Владимира. Некоторые же сюжетные ситуации песни преобразились в былине о Даниле Ловчанине. Предположение о связи этой былины с существовавшей в XIII в. песней о Федоре и Евпраксии было высказано еще раньше М. Е. Халанским. ⁸ Точка зрения В. Ф. Миллера и М. Е. Халанского была принята без каких-либо оговорок В. П. Адриановой-Перетц ⁹ и Н. К. Гудзием. ¹⁰ Однако сходство былины о Даниле Ловчанине с эпизодом «Повести» представляется весьма сомнительным, не говоря уже о том, что оно не может быть распространено на сюжеты в целом, вследствие чего невозможно себе представить, как мог совершиться переход песни в былинку. В былинке один из приближенных князя Владимира сообщает ему, что у Даниила красивая жена и что она представляет как раз тот идеал женщины, о ка-

⁴ Там же, стр. 320; т. II, М., 1910, стр. 360.

⁵ Там же, [т. I], стр. 316.

⁶ Всеволод Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. I—VIII. М., 1892, стр. 26.

⁷ Там же.

⁸ М. Е. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1886 (далее: М. Е. Халанский), стр. 82—83. — Предположение В. Ф. Миллера и М. Е. Халанского было подвергнуто критике Б. Соколовым в статье «Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине» (Русский филологический вестник. Варшава, 1910, №№ 3—4, стр. 201).

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 121.

¹⁰ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 5-е. Учпедгиз, М., 1953, стр. 181.